

УДК 81
DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-107-126

**«Метод восхождения» Ю. С. Степанова
и когнитивно-семиотические измерения
оптимальной лингвокреативности**

М. И. Киосе

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

Аннотация

В работе «метод восхождения», разработанный Ю. С. Степановым для исследования трансформаций логико-философских измерений языка, применяется для исследования когнитивно-семиотических измерений оптимальной лингвокреативности. Отношения оптимальной креативности рассмотрены для трех предложенных О. К. Ирисхановой когнитивно-семиотических измерений лингвокреативности – формально-семиотического, гносеологического и онтологического – с учетом баланса F(ixed)-креативности и E(xtending)-креативности (вслед за Т. Хоффманом). Анализ показателей параметров лингвокреативности и механизмов конструирования, проведенный на материале детской прозаической литературы, позволил установить особенности распределения F- и E-лингвокреативности для каждого из измерений, а также особенности репрезентации самой категории оптимальной лингвокреативности.

Ключевые слова

лингвокреативность, оптимальная лингвокреативность, «метод восхождения», F(ixed)-креативность и E(xtending)-креативность, детская прозаическая литература

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН

© М. И. Киосе, 2021

Для цитирования

Kiose M. I. «Метод восхождения» Ю. С. Степанова и когнитивно-семиотические измерения оптимальной лингвокреативности // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 107–126. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-107-126

Yu. S. Stepanov's Method of Ascension and Cognitive-Semiotic Dimensions of Optimal Linguistic Creativity

M. I. Kiose

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

In the study the method of ascension developed by Ju.S. Stepanov to explore the modifications in logical and philosophical dimensions of language is applied to explore cognitive-semiotic dimensions of optimal linguistic creativity. Following the system of linguistic creativity dimensions offered by O. K. Iriskhanova, which are formal, cognitive and ontologic, we study the balance of Fixed and Extending creativity (the concept introduced by T. Hoffmann) representing optimal creativity in each of them. To conduct the research, we contrast the values of linguistic creativity parameters in terms of cognitive construal mechanisms in children's prose discourse, thus detecting the specifics in Fixed and Extending creativity in the cognitive-semiotic dimensions of linguistic creativity as well as the specifics in categorial representation of optimal linguistic creativity.

Keywords

linguistic creativity, optimal linguistic creativity, method of ascension, F(ixed)-creativity and E(xtending)-creativity, children's prose

Acknowledgements

The research is sponsored by the Russian Science Foundation, grant no. 19-18-00040 and is carried out in the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

For citation

Kiose M. I. Yu. S. Stepanov's Method of Ascension and Cognitive-Semiotic Dimensions of Optimal Linguistic Creativity. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 1, p. 107–126. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-107-126

Введение.

Проблема описания оптимальной лингвокреативности

Одним из актуальных направлений исследований лингвокреативности в когнитивной науке является ее изучение как самостоятельной категории. В настоящей работе представлены когнитивно-семиотические измерения категории лингвистической креативности при решении задачи поиска оптимального уровня лингвокреативности дискурса, где оптимальность оценивается в аспектах восприятия (интерпретации) и порождения дискурсивной лингвокреативности. Так, апеллируя к успешному восприятию дискурса, Р. Гиора [Giora, 2003] отмечает, что оптимально инновационными являются новые высказывания, построенные на использовании уже имеющегося лингвистического знания. Оптимальность оценивается при определении баланса верных и неверных утверждений участников о содержании дискурса [Giora et al., 2017b]. В исследованиях Т. Веаля [Veale, 2012; Veale et al., 2019] оптимальность оценивается в аспекте ее порождения путем автоматизированного анализа частоты форм, демонстрирующих лингвокреативность.

Поиск инструментов оценки оптимальной креативности инициируется в выпуске журнала “Cognitive Semiotics” (2020), где демонстрируются философско-семиотические методики анализа F(ixed) и E(nlarging, xtending)-Creativity как конвенциональной и неконвенциональной креативности (о конвенциональности см., например, в [Schmid, 2016]). Сама проблема разграничения двух типов лингвокреативности обсуждается и в более ранних работах; к ее решению привлекаются методы конструкционной грамматики, мультимодальной лингвистики, функциональной семантики (см. выпуск журнала “Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik” 2018 г. и включенные в него статьи [Bergs, 2018; Hoffmann, 2018; Turner, 2018; Uhrig, 2018] и др.), однако здесь она сформулирована более эксплицитно. Так, в заглавной статье Т. Хоффман констатирует, что разграничение F-Creativity и E-Creativity (далее F-креативности и E-креативности) выстраивается на контрасте продуктивности в использовании существующих в языке паттернов, с одной стороны, и порождении новых коммуникативных паттернов [Hoffmann, 2020, p. 3–4]. В статье М. Тернера анализируются конвенциональные и новые паттерны блендинга. Конвенциональными являются, например, паттерны, использующиеся в условных предложениях разного типа (*I could be a stockbroker*), в синтаксических структурах, включающих предикаты с семантикой изменений (например, в *Evolution-*

arily, dinosaurs turned into birds), структурах, построенных с участием механизма смены перспективы (*It was now possible...*), в атрибутивно-номинативных комплексах (*a red ball*) и других, при этом отмечается, что все эти паттерны достаточно традиционны и закреплены в языке. Однако в определенных коммуникативных условиях могут возникать новые и неожиданные варианты этих паттернов, например в ситуации, когда преподаватель объясняет ученикам, что обучающее видео можно посмотреть ТАМ, при этом у него на экране отображается ссылка ЗДЕСЬ. Такие варианты лингвокреативности М. Тернер называет «импрессивными» и «не регламентированными» (*open-ended*) [Turner, 2020, p. 6].

Мы полагаем, что F-креативность и E-креативность могут быть рассмотрены в качестве двух соотносимых характеристик креативности, и нахождение оптимального баланса их проявлений, который, конечно, не может быть всегда и для всех ситуаций задан жестко, приводит нас к решению задачи установления оптимальной креативности. Можно констатировать, что F-креативность противопоставлена E-креативности в плане соответствия / нарушения конвенций лингвокреативного конструирования дискурса. В таком представлении все, даже самые смелые и оригинальные, но конвенциональные для такого типа дискурса, проявления могут определяться как F-креативные, но не как E-креативные. При этом редкие и необычные проявления, не типичные для определенного дискурса, будут свидетельствовать о повышении уровня E-креативности рассматриваемого образца дискурса. Такой подход отвечает в большей степени требованиям успешной интерпретации дискурса (см. работы [Giora et al., 2017a, Kiose, 2020]), однако его разработка невозможна без обращения к особенностям конструирования дискурса с позиции его создателя.

Задача установления оптимальной лингвокреативности дискурса, однако, значительно усложняется тем, что сама лингвистическая креативность может быть представлена в разных когнитивно-семиотических измерениях, что обуславливает вариативность инструментов их анализа и необходимость согласования результатов ее представления в этих измерениях. В настоящей работе с опорой на методологическое решение в отношении анализа комплексных семиотических систем, разработанное Ю. С. Степановым, и когнитивно-семиотическое решение в отношении описания лингвокреативности, разработанное О. К. Ирисхановой, мы предложим вариант описания оптимальной лингвокреативности с учетом комплексной когнитивно-семиотической природы лингвокреативности.

**«Метод восхождения» Ю. С. Степанова
и анализ оптимальности лингвокреативности
в ее когнитивно-семиотических измерениях**

Изучение лингвокреативности как комплексной семиотической системы, интегрирующей механизмы ее конструирования и языковые проявления, с одной стороны, и ее когнитивно-семиотические измерения, с другой, требует разработки особого методологического подхода к ее анализу. Решение для такого описания мы усматриваем в философско-семиотическом «методе восхождения», предложенном Ю. С. Степановым и реализованном исследователем в ходе реконструкции оснований ряда логико-философских подходов к анализу языка. Здесь исследователь использует анализ языковых проявлений для установления оснований ключевых логико-философских измерений этих проявлений. В нашем случае необходимо решить сходную проблему – определить, как когнитивно-семиотические «средства» реализации категории соотносятся со структурой когнитивно-семиотической категории лингвистической креативности в ее разнообразных измерениях.

Ю. С. Степанов при формулировании философско-семиотической методологии разрабатывает ряд ее основополагающих тезисов, или принципов (подробнее см. в [Фещенко, 2013]). Тремя основными принципами, составляющими основание «метода восхождения от наблюдения (от естественного языка) к логико-философскому представлению (на примерах)» [Степанов, 1998, с. 481], являются принципы прототипизации, коррелятивной трансформации и экземплификации. Суть принципа прототипизации заключается в обнаружении для каждого фундаментального логико-философского положения прототипа в естественном языке. Принцип коррелятивной трансформации подразумевает установление корреляций между трансформациями положений логико-философских концепций, с одной стороны, и языковыми трансформациями, с другой. Третий принцип экземплификации, или «способ приемов» [Там же, с. 482], используется для установления логики более высокого порядка, а именно логики языка и логики философских концепций (см. и более ранние работы, например, [Степанов, 1981]). Таким образом, Ю. С. Степанов предлагает использовать языковую систему и особенности ее трансформации в качестве инструмента анализа логико-философских концепций и особенностей их трансформации. «Метод восхождения» демонстрируется исследователем, в частности, на примере концепций разграничения субъекта и предиката

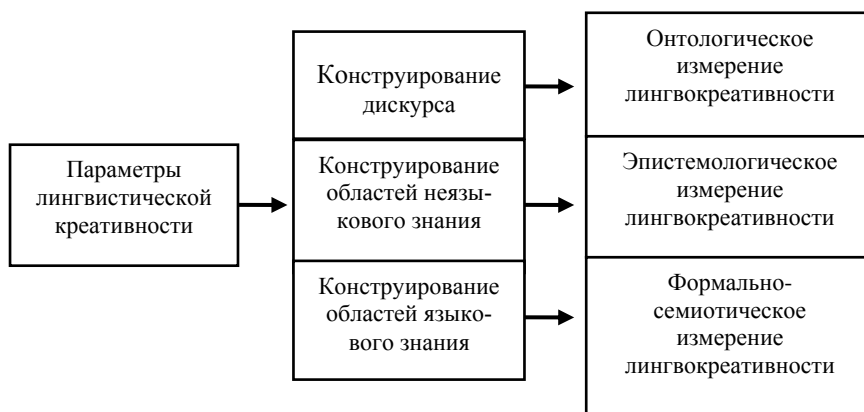
высказывания; как известно, к этой теме Ю. С. Степанов обращается многократно в своем научном творчестве (см., например, в [Степанов, 1979; 1981]). В ходе анализа реконструируются два прототипа субъектно-предикативных отношений в логико-философских концепциях: 1) разграничение ролей субъекта и предиката по мере их «конкретности» или «абстрактности» относительно друг друга, которое автор называет «способом балансовых весов»; 2) отсутствие жесткого разграничения ролей субъекта и предиката, рассмотрение их положений на некоторой абсолютной шкале, без их «взаимного взвешивания» [Степанов, 1998, с. 521]. Репрезентативность двух названных полюсов отношений субъекта и предиката доказывается автором в ходе анализа концепций эпохи Античности, формально-логических и психологических концепций предложения и высказывания и современных когнитивных концепций.

В настоящем исследовании мы предпримем попытку реконструировать «прототипы» измерений лингвокреативности с помощью примеров анализа оптимальной лингвокреативности в этих измерениях, устанавливая в каждом случае отличия в лингвосемиотической репрезентации измерений и верифицируя структуру самих измерений. Однако мы значительно упростим себе задачу, так как будем опираться на уже имеющееся трехчастное разграничение когнитивно-семиотических измерений лингвокреативности, предложенное в работах О. К. Ирисхановой. Когнитивная природа данного явления может быть представлена, как отмечает О. К. Ирисханова, «за счет полного или частичного пересмотра устоявшегося в языке баланса форм (образов форм) и содержания (образов объектов)» [2009, с. 164]. Исследователь рассматривает три когнитивно-семиотические зоны репрезентации лингвистической креативности: 1) зону онтологии, представляющую изменения в мире и социуме, подвергаемые анализу через изучение (образов) событий и отношений; 2) зону эпистемологии, или область, фиксирующую изменения в индивидуальном сознании, отслеживающую изменения картины мира индивидуума; 3) зону формы знака, где сами модификации формы являются результатом акта языкового творчества. Три обозначенные зоны не только могут служить самостоятельными объектами изучения, но и исследоваться во взаимосвязи, представляя лингвистическую креативность на трех уровнях – уровне конструирования дискурса в целом (зона онтологии), уровне конструирования индивидуальной картины мира (зона эпистемологии) и уровне языкового конструирования (формально-семиотическая зона). При этом открытым остается вопрос: какими единицами может быть представлен каждый из названных уровней

и каковы механизмы конструирования, которые могут подвергаться анализу при установлении баланса F- и E-креативности?

Что касается единиц репрезентации этих уровней, то ими могут выступать параметры конструирования лингвокреативности как обобщенные лингвистические характеристики, эксплицированные в виде маркеров и используемые для конструирования лингвопоэтической формы текста и дискурса. Система таких параметров была разработана и верифицирована с применением процедуры контрастивного анализа в [Зыкова, Киосе, 2020], в ходе которого были установлены фонологические, морфологические, словообразовательные, лексические (лексико-фразеологические), синтаксические, графические параметры, релевантные для разграничения дискурсов (кинодискурса и дискурса детской литературы). В итоге был сформирован список, включающий 52 параметра, демонстрирующих «случаи намеренного (прагматически ориентированного) нарушения литературной нормы, универсальные средства выразительности (т. е. характерные для любого дискурса) и случаи интерференции языковых, межъязыковых и межсемиотических элементов» [Там же, с. 30].

В отношении механизмов конструирования ситуация осложняется отсутствием их единой системы в когнитивной лингвистике. Анализ особенностей конструирования дискурса в аспекте его лингвистической креативности осуществляется с привлечением таких механизмов, как аналогия и дизаналогия, фокусирование и дефокусирование, концептуальная метафора и метонимия, перефокусирование, перспективизация, инсайт, концептуальная интеграция, конвенционализация и др. [Finke et al., 1992; Gabora, 2002; Boden, 2003; Brandt, 2004; Kaufman, Plucker, 2011; Turner, 2014], отношения между которыми не являются на настоящий момент жестко определенными. Все эти механизмы могут становиться объектами исследования разноуровневого конструирования (об уровневых подходах к конструированию см. в [Торе, Liberman, 2010; Киосе, 2015]). Для целей настоящего исследования целесообразно разграничить три типа механизмов конструирования: механизмы языкового конструирования (например, лексического или синтаксического), механизмы конструирования областей неязыкового знания (например, концептуальную метафору или метонимию) и механизмы дискурсивного конструирования (например, перспективизацию или прагматическое фокусирование в дискурсе). Таким образом, общая модель когнитивно-семиотической репрезентации лингвокреативности в дискурсе может быть представлена следующим образом:

Оценку оптимальности лингвистической креативности мы будем осуществлять с опорой на успешные произведения детской литературы, где оптимальность и успешность доказывается тем, что привлекаемые к анализу произведения включены в списки рекомендованной литературы. Совершенно очевидно, что в таких произведениях наблюдается «выдержанный баланс» F-креативности и E-креативности, т. е. таких проявлений лингвокреативности, которые являются конвенциональными, типичными для всех произведений, и тех, которые являются неконвенциональными, отличающимися в разных произведениях. Рассмотренные выше принципы «метода восхождения», а именно принципы прототипизации, коррелятивной трансформации и экземплификации, применительно к установлению особенностей оптимальной лингвокреативности будут проявлять себя следующим образом. Принцип прототипизации реализуется в установлении особых отношений оптимальной лингвокреативности в каждом из трех измерений лингвокреативности. Принцип коррелятивной трансформации проявляется в том, что распределение показателей параметров используется для уточнения компонентов модели и их отношений. Принцип экземплификации состоит в последовательном привлечении к анализу трех измерений одной категории, что позволяет уточнить структуру категории лингвокреативности в целом. «Формально-семиотическое измерение» оптимальности лингвокреативности представлено с опорой на языковой механизм кластеризации, особенности которой будут изучены в отношении лингвокреативного использования терминов, встречающихся в дискурсе

детской литературы. «Эпистемологическое измерение» представлено при обращении к когнитивному механизму концептуальной метафоризации / метонимизации; установление более и менее конвенциональных типов сближающихся областей знания, участвующих в ее реализации, позволит определить особенности F- и E-лингвокреативность. «Онтологическое измерение» оптимальной лингвокреативности представлено с опорой на механизм дискурсивного конструирования путем анализа конвенциональных и специфических операций конструирования лингвокреативности отдельных представителей дискурса.

**Пример 1. «Формальное измерение» лингвокреативности.
Оптимальная креативность и кластеризация терминов**

Исследование оптимальной лингвокреативности на уровне языковых знаков целесообразно проводить с привлечением одного или нескольких параметров лингвистической креативности, демонстрирующих высокую активность в дискурсе (в нашем случае в дискурсе детской литературы). Материалом анализа для данного примера являются короткие юмористические рассказы авторов отечественной детской литературы Ю. Сотника, Ю. Яковлева, В. Медведева и В. Железникова общим объемом 50 186 знаков, которые были аннотированы на предмет активности параметров лингвокреативности. Как показала работа с параметрами разных уровней, самым активным уровнем лингвокреативности дискурса детской литературы является лексико-фразеологический (активность параметров уровня составляет 1 677 проявлений), а одним из параметров, демонстрирующих высокую активность, является смена профессионального кода, или появление терминов (всего 92 проявления). Как мы полагаем, лингвокреативность в функционировании термина проявляется в том, что он «начинает вести жизнь», отличающуюся от жизни в своей «естественной среде обитания», а именно в составе терминосистемы и в рамках профессионального или специализированного дискурса. Лингвокреативные проявления терминов можно описать, анализируя технологии реализации одного из механизмов их интродукции в дискурс, механизма кластеризации терминов. Под кластеризацией терминов понимается такой «трансфер научного знания, при котором на разных его этапах происходит перегруппировка специальных единиц в новые кластеры – группы взаимосвязанных терминов, находящихся в ядерно-периферийных и иерархических отношениях» [Ирисханова, Киосе, 2016, с. 153]. Для настоящего исследования представляют интерес две технологии кластеризации – моноцентрическая и поли-

центрическая, для которых характерна организация системы знаний вокруг одного ядерного термина или вокруг ряда терминов. Сами эти технологии непосредственно не связаны с проявлениями лингвокреативности, однако особенности их реализации и модификации терминов, которые при этом происходят, позволяют выявить техники лингвокреативного использования терминов. Как мы указывали выше, значимость для настоящего исследования имеют техники F-креативности, которые применяются во всех рассмотренных произведениях, и техники, которые являются специфическими и демонстрируют проявления E-креативности.

В целом сама кластеризация терминов оказалась характерной для всех рассмотренных произведений, реализуясь в таких кластерах, как НАУКА, ПРОИЗВОДСТВО ОДЕЖДЫ, ВОЕННОЕ ДЕЛО, КИНОСФЕРА, МЕДИЦИНА, ФУТБОЛ и др. Как показал анализ, обе технологии – моноцентрическая и полицентрическая – оказываются активными в конструировании дискурса детской художественной литературы, однако их использование стимулирует разные проявления лингвокреативного использования терминов.

Моноцентрическая кластеризация терминов редко сопровождается их лингвокреативным функционированием, которое может быть связано с тропеизацией термина. Например, в кластере НАУКА (рассказ Ю. Сотника «Райкины пленники») ядерным членом является термин *краеведы*, который называет основных персонажей рассказа. Вокруг него образуется кластер терминов: *взять азимут, доктор наук, сделать доклад, топография, профессор*. Лишь в одном случае термин используется тропеически: *Краеведы слышали, как она прыгнула с умывальника* (здесь описывается фрагмент, где мальчики, опаздывающие на заседание краеведческого кружка, вынуждены ждать сестру одного из них, чтобы она пришила пуговицы на брюки, и термин *краеведы* используется иронически).

Полицентрическая технология кластеризации, напротив, часто сопровождается детерминологизацией и тропеизацией терминов. Например, кластер ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ И СОБЫТИЯ, является значимым для построения всего рассказа в целом (Ю. Яковлев «А Воробьев стекло не выбивал»), а дискурсивная метафора СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО как / есть ОБЩЕСТВО ДРЕВНЕГО РИМА становится центральной для построения сюжета и отношений участников. Сближение с историческими событиями Рима происходит за счет тропеического использования терминов для участников *римский цензор, сенат, легионеры, римлянин*, например, в [Директор]: *Воробьев говорит – выбил, ты говоришь – не выбивал!*

Кому прикажешь верить? [Семи́н]: *Мне!* – приказал упрямый римлянин. Второй, но очень редкий, вариант лингвокреативного использования терминов при полицентрической кластеризации обусловлен влиянием прагматической функции «двойной адресации» [Демьянков, 2011] дискурса и «прагматического перефокусирования» [Ирисханова, 2014]. Он проявляется в том, что термины могут одновременно использоваться в своем основном терминологическом значении (адресовано ребенку) и в тропеическом (адресовано взрослому).

Таким образом, можно констатировать, что использование техник тропеизации и детерминологизации для полицентрической технологии составляет ядро, или прототип оптимальной лингвокреативности, или F-креативность. Основные проявления E-креативности связаны с очень редким проявлением тропеизации терминов в ситуации их моноцентрической кластеризации, а также одновременном задействовании терминологического и тропеического значений лексем при двойной адресации дискурса.

**Пример 2. «Эпистемологическое измерение» лингвокреативности.
Оптимальная креативность и концептуальная метафоризация**

Исследование оптимальной лингвокреативности на уровне индивидуального конструирования может быть проведено при анализе концептуальной метафоры и метонимии. Обращение исключительно к успешным произведениям детской литературы позволяет предположить, что тот путь образного конструирования объектов действительности, который выбирают авторы произведений, соответствует особенностям «настройки» ребенка на познание этих объектов. В ходе анализа мы устанавливаем те техники «настройки», которые являются активными при формировании индивидуальной картины мира ребенка на разных возрастных этапах его развития (техники настройки F-креативности), и те, которые задействуются только на некоторых этапах (техники настройки E-креативности). Материалом анализа стали тексты коротких рассказов около 40 авторов (например, Л. Воронковой, Н. Сладкова, Я. Тайца, Е. Чарушина, Г. Снегирева, Н. Калининой, Н. Павловой, Н. Носова, В. Бианки и др.), ориентированные на дошкольный, младший, средний и старший школьный возраст (как заявлено редакцией) общим объемом более 900 страниц. Из текстов отобрано 400 фрагментов (по 100 примеров из текстов для каждой возрастной группы), демонстрирующих примеры концептуальной метафоры или метонимии, реализованные с помощью одного из наиболее активных пара-

метров лингвокреативности – стилистических тропов. Конкретными объектами анализа стали единицы с образной семантикой, принадлежащие к разным частям речи. При установлении техник настройки F- и E-лингвокреативности мы ориентировались на сами типы областей знания, подвергающихся интеграции. Всего было обнаружено 8 метафоро-метонимических моделей конструирования: НЕЖИВОЕ как / есть ЖИВОЕ (количество проявлений по 4 возрастам: 52, 20, 41, 31), СОБЫТИЕ₁ как / есть СОБЫТИЕ₂ (0, 32, 18, 29), ОБЪЕКТ₁ как / есть ОБЪЕКТ₂ (20, 8, 18, 28), ЧАСТЬ как / есть ЦЕЛОЕ (8, 18, 7, 3), ЖИВОТНОЕ как / есть ЧЕЛОВЕК (11, 6, 4, 4), ДЕЙСТВИЕ как / есть ХАРАКТЕРИСТИКА (0, 6, 6, 1), МАЛЕНЬКИЙ как / есть БОЛЬШОЙ (3, 2, 1, 1).

Как показал анализ материала, указанные направления реализации моделей превалируют, например, при концептуализации неживого через живое или части через целое, в частности, НЕЖИВОЕ как ЖИВОЕ в *А это так: две молодые тучки столкнулись-поспорили* (Н. Сладков) или ЧАСТЬ как ЦЕЛОЕ в *Братья Кармановы выглянули в окно. – У нас горло, – хрипло сказали оба брата. – Нас не пускают.* (И. Пивоварова). Исходя из этого заключаем, что само направление интеграции является очень значимым для «креативной» концептуализации мира и допускает слабую вариативность.

Обратимся к типам метафоро-метонимических моделей. Как оказалось, все модели, кроме двух (СОБЫТИЕ₁ как / есть СОБЫТИЕ₂ и ДЕЙСТВИЕ как / есть ХАРАКТЕРИСТИКА), представлены в произведениях для всех возрастов, поэтому техника настройки этих моделей является техникой настройки F-креативности. Однако активность моделей различается. Так, модель СОБЫТИЕ₁ как / есть СОБЫТИЕ₂ частотна в произведениях для младшего и старшего школьного возраста, например, при концептуализации наступающей тишины через присваивание тайного смысла в *Через минуту умолкла и машина, стало опять темно и тихо, и теперь, в полной темноте и тишине, казалось, что это был какой-то тайный знак* (В. Распутин). В то же время в произведениях для старшего возраста снижается частота моделей ЧАСТЬ как / есть ЦЕЛОЕ или ЖИВОТНОЕ как / есть ЧЕЛОВЕК. Поэтому техники настройки выбора моделей интеграции будут техниками настройки E-лингвокреативности.

Таким образом, метафоро-метонимическое конструирование мира обнаруживается на всех этапах познавательной деятельности ребенка рассматриваемых возрастов и поэтому формирует область F-лингвокреативности. Использование шести основных моделей метафоро-метонимического

конструирования мира также может быть рассмотрено как формирующее область F-креативности, однако распределение активности этих моделей подчинено меняющимся интересам познавательной деятельности ребенка и поэтому составляет область его E-креативности.

**Пример 3. «Онтологическое измерение» лингвокреативности.
Оптимальная креативность и конструирование дискурса**

Исследование оптимальной лингвокреативности на уровне конструирования дискурса мы проведем при анализе вариативности распределения частоты всех рассматриваемых параметров лингвокреативности в отдельных образцах дискурса детской литературы. В этом случае наличие общих черт лингвокреативного конструирования дискурса составляет область F-креативности, а отличительных – область E-креативности. При этом очевидно, что для получения объективных показателей необходимо привлечь очень большое количество текстов, подвергающихся процедуре ручного аннотирования, что сделать довольно трудно. В нашем случае, когда проверяется сама возможность разграничения F- и E-креативности, принято решение о верификации данной гипотезы на ограниченном материале четырех англоязычных приключенческих повестей 1950-х гг., получивших признание в англоязычной литературной критике. Важным условием анализа стал отбор фрагментов со сходными особенностями конструирования неавтобиографического дискурса. Для проверки гипотезы о сходстве распределений активности их параметров мы также привлекли фрагмент дискурса, отличающийся автобиографическим характером. Материалом стали фрагменты повести Ф. Гибсона “Old Yeller” (1956) общим объемом 20 062 знака, Дж. К. Джорджа “My Side of the Mountain” (1959) – 18 389 знаков, Дж. Р. Ульмана “Banner in the Sky” (1955) – 16 733 знака, а также отличающийся автобиографическим характером фрагмент повести Дж. Даррелла “My Family and other animals” (1956) – 21 677 знаков. С применением процедуры векторного моделирования [Agres et al., 2015; Iriskhanova, Cienki, 2018; McGregor et al., 2019] и факторного анализа установлены сходства и различия в распределении активности параметров в четырех фрагментах. Таким образом, сходства и различия дискурсов здесь устанавливаются с опорой на координаты многомерных векторов лингвокреативности, или совокупностей относительных показателей параметров лингвокреативности текста и дискурса, и на показатели большей или меньшей сопряженности этих векторов.

Аннотирование проходило по уровневым параметрам лингвокреативности. Всего в указанных фрагментах аннотировано 282, 262, 390 и 173 предложения, при этом активность всех параметров составила в целом по фрагментам 1 896, 1 389, 1 169 и 1 665 проявлений. Наибольшую активность демонстрируют параметры лексико-фразеологического уровня, среди самых частотных оказались лексический экспрессив и эмотив (*Desperately, frantically, he dug in with his feet, pressed his whole body down* (Дж. Р. Ульман)), смена регистров коммуникации (*They told their folks what to do in case the Indians came off the reservation* (Ф. Гибсон)), смена профессионального кода (*'This must be the warbler migration,' I said* (Дж. К. Джордж)), введение стилистического тропа (*It was not a mere man he was holding, but a giant; or a block of granite* (Дж. Р. Ульман)), введение фразеологизма (*He behaved himself well, and did not distract my attention* (Дж. Даррелл)).

Для каждого из фрагментов получена векторная модель активности относительных показателей (в процентном отношении) всех параметров, далее с помощью анализа корреляций были получены коэффициенты сопряженности четырех многовекторных моделей. Ожидалось, что полученные коэффициенты трех моделей будут отличаться незначительно, а у фрагмента Дж. Даррелла как имеющего особые характеристики конструирования коэффициент сопряженности будет ниже. Однако анализ с применением коэффициента сопряженности Пирсона показал высокие показатели сопряженности во всех четырех случаях (0.97, 0.92, 0.9, 0.886) при r критическом 0.25 для $p = 0.01$, что не позволяет использовать данный метод анализа для разграничения F- и E-креативности, так как если опираться на результаты, то получается, что мы имеем дело исключительно с проявлениями F-креативности. Мы, однако, полагаем, что это не так, а результаты вызваны, во-первых, малым количеством сопоставляемых фрагментов, а во-вторых, влиянием особенностей языкового конструирования, которые в значительной степени определяют показатели параметров лингвокреативности. Далее была предпринята попытка воспользоваться факторным анализом (с применением анализа основных компонентов) для установления степеней уникальности каждого из фрагментов, которые составили 0.16, 0.05, 0.15, 0.23. Хотя обнаруженные различия не являются очень значительными, они указывают на определенную вариативность конструирования неавтобиографического и автобиографического образцов.

В целом отметим, что разграничение F- и E-лингвокреативности на уровне конструирования дискурса представляет довольно сложную задачу,

так как к анализу должны быть привлечены многочисленные параметры и большое количество образцов дискурса. Однако при использовании статистических процедур могут быть установлены более и менее конвенциональные распределения показателей параметров.

Заключение

В работе предпринята попытка применить философско-семиотический «метод восхождения» Ю. С. Степанова для анализа оптимальной лингвокреативности в ее когнитивно-семиотических измерениях. С опорой на принципы прототипизации, коррелятивной трансформации и экзemplификации данного метода в условиях трехчастного разграничения когнитивно-семиотических измерений лингвокреативности, предложенного О. К. Ирихановой, – формально-семиотического, эпистемологического и онтологического, продемонстрированы возможности репрезентации оптимальной креативности. Как показал проведенный анализ, во всех случаях при разграничении F(ixed)-креативности и E(xtended)-креативности как двух сторон оптимальной лингвокреативности можно опираться на систему уровневых параметров лингвокреативности и на особенности реализации механизмов конструирования, языкового и неязыкового, а также конструирования дискурса в целом.

Список литературы

- Демьянков В. З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 33–40.
- Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.
- Ириханова О. К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. № 5. С. 157–171.
- Ириханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014.
- Ириханова О. К., Киосе М. И. Технологии трансфера междисциплинарных терминов в лингвистику // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. М., 2016. С. 151–180.
- Киосе М. И. Наименование в тексте: прямое и не прямое. М., 2015.

Степанов Ю. С. Иерархия имен и ранги субъектов // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. № 38 (4). С. 333–348.

Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981.

Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.

Фещенко В. В. О стиле ученого: научная и художественная образность в работах Ю. С. Степанова // Языковые параметры современной цивилизации. М., 2013. С. 57–67.

Agres K., McGregor S., Purver M., Wiggins G. Conceptualizing creativity: from distributional semantics to conceptual spaces // Proceedings of the 6th International Conference on Computational Creativity, 2015. P. 118–125.

Bergs A. Learn the rules like a pro, so you can break them like an artist (Picasso): Linguistic aberrancy from a constructional perspective // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 2018. № 66 (3). S. 277–293.

Boden M. The Creative Mind: Myths and Mechanisms. Routledge, 2003.

Brandt P. A. The Architecture of Semantic Domains. Spaces, Domains, and Meaning. Essays in Cognitive Semiotics (European Semiotics 4). Bern, 2004.

Finke R. A., Ward T. B., Smith S. M. Creative cognition: Theory, research, and applications. Cambridge, MA, 1992.

Gabora L. Cognitive mechanisms underlying the creative process // Proceedings of the Fourth International Conference on Creativity and Cognition / Eds. T. Hewett and T. Kavanagh. UK, 2002. P. 126–133.

Giora R. On our mind: salience, context, and figurative language. Oxford, 2003.

Giora R., Givoni S., Fein O. Defaultness reigns: The case of sarcasm // Metaphor and Symbol. 2017a. No. 30 (4). P. 290–313.

Giora R., Givoni S., Heruti V., Fein O. The Role of Defaultness in Affecting Pleasure: The Optimal Innovation Hypothesis Revisited // Metaphor and Symbol. 2017b. No. 32 (1). P. 1–18.

Hoffmann T. Creativity and construction grammar: cognitive and psychological issues // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 2018. № 66 (3). S. 259–276.

Hoffmann T. Construction grammar and creativity: Evolution, psychology, and cognitive science // Cognitive Semiotics. 2020. No. 1. DOI 10.1515/cogsem-2020-2018.

Iriskhanova O. K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018. No. 4. P. 25–36.

Kaufman J. C., Plucker J. A. Intelligence and creativity // *The Cambridge Handbook of Intelligence* / Eds. R. J. Sternberg, S. Kaufman. New York, 2011. P. 771–783.

Kiose M. I. The interplay of syntactic and lexical salience and its effect on default figurative responses // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2020. No. 61 (74). P. 161–178.

McGregor S., Agres K., Rataj K., Purver M., Wiggins G. Re-representing metaphor: Modeling metaphor perception using dynamically contextual distributional semantics // *Frontiers in Psychology*. 2019. No. 10: 765. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov>.

Schmid H.-J. (ed.) Entrenchment and the psychology of language learning. How we reorganize and adapt linguistic knowledge. Washington, DC, 2016.

Trope Y., Liberman N. Construal-Level theory of psychological distance // *Psychological Review*. 2010. No. 117 (2). P. 440–463.

Turner M. The origin of ideas: blending, creativity, and the human spark. New York, 2014.

Turner M. The role of creativity in multimodal construction grammar // *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 2018. № 66 (3). S. 357–370.

Turner M. Constructions and creativity // *Cognitive Semiotics*. 2020. No. 1. DOI 10.1515/cogsem-2020-2019

Uhrig P. I don't want to go all yoko ono on you – creativity and variation in a family of constructions // *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 2018. № 66 (3). S. 295–308.

Veale T. Exploding the creativity myth: the computational foundations of linguistic creativity. London, 2012.

Veale E., Amilcar Cardoso F. (eds.). Computational Creativity. The Philosophy and Engineering of Autonomously Creative Systems (Computational Synthesis and Creative Systems). Berlin, 2019.

References

Agres K., McGregor S., Purver M., Wiggins G. Conceptualizing creativity: from distributional semantics to conceptual spaces. In: *Proceedings of the 6th International Conference on Computational Creativity, 2015*, p. 118–125.

Bergs A. Learn the rules like a pro, so you can break them like an artist (Picasso): Linguistic aberrancy from a constructional perspective. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 2018, № 66 (3), S. 277–293.

Boden M. *The Creative Mind: Myths and Mechanisms*. Routledge, 2003.

Brandt P. A. *The Architecture of Semantic Domains. Spaces, Domains, and Meaning. Essays in Cognitive Semiotics (European Semiotics 4)*. Bern, 2004.

Demyankov V. Z. Kognitivnyy dissonans: kognitsiya yazykovaya i vneyazykovaya [Cognitive dissonance: linguistic and non-linguistic cognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]*, 2011, no. 9, p. 33–40. (in Russ.)

Feshhenko V. V. O stile uchenogo: nauchnaya i khudozhestvennaya obraznost' v rabotah Yu. S. Stepanova [On the style of the scientist: scientific and artistic figurativeness in Yu. S. Stepanov's works]. In: *Yazykovye parametry sovremennoy tsivilizatsii [Linguistic parameters of modern civilization]*. Moscow, 2013, p. 57–67. (in Russ.)

Finke R. A., Ward T. B., Smith S. M. *Creative cognition: Theory, research, and applications*. Cambridge, MA, 1992.

Gabora L. Cognitive mechanisms underlying the creative process. In: *Proceedings of the Fourth International Conference on Creativity and Cognition*. Eds. T. Hewett and T. Kavanagh. UK, 2002, p. 126–133.

Giora R. *On our mind: salience, context, and figurative language*. Oxford, 2003.

Giora R., Givoni S., Fein O. Defaultness reigns: The case of sarcasm. *Metaphor and Symbol*, 2017a, no. 30 (4), p. 290–313.

Giora R., Givoni S., Heruti V., Fein O. The Role of Defaultness in Affecting Pleasure: The Optimal Innovation Hypothesis Revisited. *Metaphor and Symbol*, 2017b, no. 32 (1), p. 1–18.

Hoffmann T. Construction grammar and creativity: Evolution, psychology, and cognitive science. *Cognitive Semiotics*, 2020, no. 1. DOI 10.1515/cogsem-2020-2018.

Hoffmann T. Creativity and construction grammar: cognitive and psychological issues. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 2018, № 66 (3), p. 259–276.

Irishanova O. K. Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus Games in Language. Semantics, Syntax and Pragmatics of Focusing]. Moscow, 2014. (in Russ.)

Irishanova O. K. O ponyatii kreativnosti i ego roli v metayazyke lingvicheskikh opisaniiy [On the notion of linguistic creativity and its role in lin-

guistic description]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]*, 2009, no. 5, p. 157–171. (in Russ.)

Irishanova O. K., Kiose M. I. Tehnologii transfera mezhdistsiplinarnykh terminov v lingvistiku [Technologies of transfer of interdisciplinary terms into linguistics]. In: *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies]*. Moscow, 2016, p. 151–180. (in Russ.)

Irskhanova O. K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2018, no. 4, p. 25–36.

Kaufman J. C., Plucker J. A. Intelligence and creativity. In: *The Cambridge Handbook of Intelligence*. Eds. R. J. Sternberg, S. Kaufman. New York, 2011, p. 771–783.

Kiose M. I. Naimenovanie v tekste: pryamoe i nepryamoe [Naming in text: direct and indirect]. Moscow, 2015. (in Russ.)

Kiose M. I. The interplay of syntactic and lexical salience and its effect on default figurative responses. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 2020, no. 61 (74), p. 161–178.

McGregor S., Agres K., Rataj K., Purver M., Wiggins G. Re-representing metaphor: Modeling metaphor perception using dynamically contextual distributional semantics. *Frontiers in Psychology*, 2019, no. 10: 765. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov>.

Schmid H.-J. (ed.) Entrenchment and the psychology of language learning. How we reorganize and adapt linguistic knowledge. Washington DC, 2016.

Stepanov Yu. S. Ierarkhiya imen i rangi sub'ektov [Hierarchy of names and subject ranks]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka [Izvestiya of Academy of Sciences of USSR. Issues of literature and language studies]*, 1979, iss. 38 (4), p. 333–348. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. Imena, predikaty, predlozheniya. Semiologicheskaya grammatika [Names, predicates, sentences. Semiological grammar]. Moscow, 1981. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. Yazyk i metod. K sovremennoy filosofii yazyka [Language and method. To the question of modern philosophy of language]. Moscow, 1998. (in Russ.)

Trope Y., Liberman N. Construal-Level theory of psychological distance. *Psychological Review*, 2010, no. 117 (2), p. 440–463.

Turner M. Constructions and creativity. *Cognitive Semiotics*, 2020, no. 1. DOI 10.1515/cogsem-2020-2019

Turner M. The origin of ideas: blending, creativity, and the human spark. New York, 2014.

Turner M. The role of creativity in multimodal construction grammar. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 2018, № 66(3), S. 357–370.

Uhrig P. I don't want to go all yoko ono on you – creativity and variation in a family of constructions. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 2018, № 66(3), S. 295–308.

Veale T. Exploding the creativity myth: the computational foundations of linguistic creativity. London, 2012.

Veale E., Amilcar Cardoso F. (eds.). Computational Creativity. The Philosophy and Engineering of Autonomously Creative Systems (Computational Synthesis and Creative Systems). Berlin, 2019.

Zykova I. V., Kiose M. I. Parametrizatsiya lingvisticheskoy kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: kinodiskurs vs diskurs detskoy literatury [Linguistic creativity parametrization in contrasting discourse types: cinematic discourse vs. discourse of children's literature]. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2020, no. 2, p. 26–40. (in Russ.)

Сведения об авторе

Кюсе Мария Ивановна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра СКОДИС, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)

maria_kiose@mail.ru

ORCID 0000-0001-7215-0604

Information about the Author

Maria I. Kiose, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

maria_kiose@mail.ru

ORCID 0000-0001-7215-0604